

В этом семестре руководство факультета, как уже упоминалось, закрепило за Цзун Жуем три курса — по одному для второго, третьего и четвертого годов обучения.

У выпускников забот всегда невпроворот, поэтому их занятия старались ужать, объединяя несколько потоков в одной большой аудитории. Со вторым и третьим курсами такой мороки не было — здесь Цзун Жуй вместе с коллегами делили группы между собой. К сессии они коллективно составляли экзаменационные задания, а после каждый принимался за стопки работ своего потока.

Экзаменационные материалы шли в университетский архив, так что вместе с билетами приходилось заранее готовить и ключи с эталонными ответами.

Для местных преподавателей это была привычная, не требующая объяснений рутина. Юнь Ваншу же, никогда не видевший подобного, растерялся. Цзун Жуй и сам отлично помнил все задания, а потому при проверке в шпаргалку не заглядывал. Заметив наконец листы с готовыми решениями, юноша удивленно моргнул и воскликнул:

— Брат Цзун, неужели...

Цзун Жуй тут же насторожился:

— Метод не мой, у нас испокон веков так принято.

Юнь Ваншу на мгновение лишился дара речи.

— С такими подсказками проверять работы действительно куда легче, — его голос стал чуть тише, но он все же упрямо закончил мысль. — Если бы наставники в нашей академии додумались до чего-то подобного, им не приходилось бы так тяжело вздыхать во время каждого экзамена.

— Твоим наставникам приходилось вычитывать целые трактаты, — резонно возразил Цзун Жуй. — Нынешние тесты с тем и близко не сравнятся.

— И то верно, — улыбнулся Юнь Ваншу, мгновенно воодушевляясь. — Что ж, тогда за дело, вместе! Брат Цзун, а сколько времени у тебя обычно уходило на проверку?

Цзун Жуй прикинул в уме:

— Дней пять, не меньше.

— Тогда мы управимся за три дня! Нет, за два! — воодушевленно объявил Юнь Ваншу.

В его голосе звенела такая кипучая энергия, словно юношу нисколько не пугала перспектива возвращения в родные края, охваченные смертоносным мором.

Цзун Жуй понимал: Юнь Ваншу держится так бодро во многом ради него самого.

И от этой безмолвной заботы на душе снова потеплело.

Спустя десять минут.

— Ты можешь... писать сразу двумя ручками? — озадаченно спросил Цзун Жуй.

— Кажется, да, — отозвался Юнь Ваншу.

Еще через десять минут.

Цзун Жуй лишь безмолвно созерцал происходящее.

— Три... погоди, кажется, и четыре слушаются, — увлеченно пробормотал Юнь Ваншу.

На лице Цзун Жуй отразилось крайнее недоумение.

Прошло еще десять минут.

— Пять ручек одновременно?! — не поверил своим глазам Цзун Жуй.

— Думаю, смогу удержать еще больше, если понадобится, — вошел во вкус Юнь Ваншу.

Уголок глаза Цзун Жуй нервно дернулся, взгляд стал неопишимо сложным.

— Красные ручки кончились, — вздохнул он. — Я уже обобрал столы всех коллег в кабинете.

— Какая жалость, — искренне расстроился Юнь Ваншу. — Ну, тогда не стоит.

Цзун Жуй благоразумно промолчал и не стал говорить, что в пяти минутах ходьбы, на первом этаже, работает канцелярский магазин, где этих красных ручек хоть завались.

Благодаря столь неожиданному подспорью дело спорилось невероятно быстро. Всего за полтора дня они расправились со всей горой работ и выставили оценки.

Когда Цзун Жуй принялся вносить баллы в электронную ведомость, коллеги по кабинету были поражены до глубины души.

— Учитель Цзун, как вы умудрились так быстро закончить? — завистливо вздыхали они. — Поделитесь секретом, научите нас!

— Да уж, у меня от этих ведомостей уже пальцы сводит.

Выдать правду Цзун Жуй, разумеется, не мог. Но и отмахнуться от изнывающих коллег тоже не получалось. Пришлось пустить в ход благовидную отговорку:

— Да я просто билеты на самолет взял на ближайшие дни. Боялся не успеть до отъезда, вот и засиделся допоздна, работал без продыху.

Сказанное не было чистой ложью — по крайней мере, насчет билетов он не соврал.

Как только родилась мысль показать Юнь Ваншу мир, Цзун Жуй твердо решил: они непременно полетят на самолете.

Особенно после того, как господин Шэнь мимоходом заметил, что Юнь Ваншу, будучи «нетленной костью», и сам способен за мгновение покрывать тысячи ли. Услышав это, Цзун Жуй окончательно отбросил компромиссную идею прокатиться между городами на скоростном поезде.

Он понимал, какими недостижимыми казались небеса людям ушедших эпох. И пускай Цзун Жуй не был баснословным богачом и не мог арендовать для них двоих целый космический шаттл, подняться вместе с юношей выше облаков ему было вполне по силам.

— А, сверхурочные... — разом растеряв весь энтузиазм, пробормотали коллеги и понуро разбрелись по своим местам.

Спустя минуту из угла донеслось озадаченное:

— Странно... Я же эту ручку только пару дней назад расписал, почему в ней чернила кончились?

Цзун Жуй, пряча бегающий взгляд, торопливо полез в ящик стола:

— У меня тут как раз пара новых завалялась, держите.

Как только оценки внесли в базу, для Цзун Жуя наконец начались летние каникулы.

По его подсчетам, у них оставалось всего три недели. Слишком много, если просто любоваться горами и морем, но ничтожно мало, чтобы по-настоящему познакомиться с чудесами современного мира.

Ладно, решат по ходу дела.

Вещей в дорогу он взял совсем немного. Небольшая сумка через плечо, куда легли документы, телефон и, на крайний случай, сам контейнер-инкубатор. За спину — обычный рюкзак: смена белья, средства гигиены да бумажная книга, чтобы не скучать, пока Юнь Ваншу возится с его смартфоном.

В аэропорту Юнь Ваншу, впервые оказавшись в подобном месте, замороженно озирался по сторонам, а уж когда они поднялись на борт воздушного судна, его восторгу не было предела.

Цзун Жуй специально выбрал место у иллюминатора, чтобы юноша мог без помех любоваться видами. Едва устроившись в кресле, он попытался пристроить контейнер на узкий пластиковый подоконник, но безуспешно — тот оказался слишком узким.

Не подав виду, Цзун Жуй просто перехватил контейнер левой рукой и бережно приподнял его к самому стеклу.

Юнь Ваншу заерзал от смущения:

— Брат Цзун, у тебя же рука затечет. Поставь меня, не нужно.

— Все в порядке, — мягко отозвался тот. — Вот взлетим, и я разложу столик на спинке переднего кресла.

Юнь Ваншу послушно глянул вперед и действительно приметил сложенную пластиковую панель.

Его в который раз восхитила практичность людей этого века. В этот момент над головой раздался мелодичный сигнал, и по салону разнеслось предупреждение о необходимости пристегнуть ремни безопасности.

Юнь Ваншу затаил дыхание, вслушиваясь в мягкий голос диктора.

Затем лайнер плавно тронулся, вырулил на полосу и с нарастающим гулом устремился ввысь.

Юнь Ваншу мгновенно позабыл обо всем на свете. Все его существо сосредоточилось на картине за стеклом, где стремительно уменьшалось и уплывало назад здание аэропорта.

Унылые серо-белые коробки мегаполиса вскоре растворились внизу, уступив место бескрайнему разливу чистого золота.

С тех пор как Великая Ци пала под натиском страшного поветрия, Юнь Ваншу ни разу не видел столь щедрого, мирного урожая.

Он припал к стеклу, силясь рассмотреть каждую пядь земли. Эти бескрайние, уходящие за горизонт поля, этот сияющий, благополучный мир, в котором так хотелось остаться...

А еще...

Юноша робко направил тончайшую нить восприятия назад, за пределы пластикового контейнера.

Цзун Жуй сидел совсем близко, мягко и тепло глядя на него. Лицо его было спокойным и благородным. С такой редкой статью и глубоким умом брат Цзун в его родную эпоху непременно прослыл бы блистательным молодым господином, чьим благородством восхищалась бы вся столица.

Впрочем, его собственное время было слишком жестоким и мрачным. Брат Цзун рожден для этого светлого мира, и здесь ему самое место.

Поддавшись этим мыслям, осколки души Юнь Ваншу плавно опустились на самое дно контейнера.

Решив, что юноша просто утомлен или пытается рассмотреть землю под другим углом, Цзун Жуй заботливо придвинул ладонь еще ближе к иллюминатору, так что стенка контейнера почти коснулась прохладного двойного стекла.

Душу Юнь Ваншу вновь затопила щемящая благодарность. Но следом за ней пришла тихая, неизбежная грусть.

С тех пор как Цзун Жуй поведал ему о том, как ушли Лу Тин и Людвиг, он смирился с неизбежностью собственного возвращения. Все здешнее величие восхищало его, но это было трезвое, созерцательное чувство. Юноша лишь бережно собирал крупички увиденного, чтобы унести их с собой и долгими зимними вечерами согревать ими душу в своем опустошенном мире.

Единственным, с кем он отчаянно не хотел расставаться, был брат Цзун.

Светящиеся крупы опускались все ниже.

На долю секунды ему показалось, будто он вновь растворился в бездонном духовном море Цзун Жуя, но реальность оказалась иной. Его сознание мягко коснулось чего-то осязаемого, невероятно теплого и сухого.

Юнь Ваншу испуганно замер. Мысли на мгновение спутались, прежде чем до него дошло: то, чего он коснулся... неужели это ладонь брата Цзуна?

Но как? Он ведь заперт внутри герметичного контейнера!

Светящееся облачко мелко задрожало. Догадка пронзила его сознание: у него пробудилась третья способность.

Его поврежденная душа восстанавливалась на удивление быстро.

Пока он пребывал в смятении, над головой вновь раздался мягкий сигнал — самолет занял нужный эшелон, и пассажирам разрешили разложить столики.

Цзун Жуй покосился на притихшего в коробке юношу и, решив не тревожить его расспросами, аккуратно опустил пластиковую панель свободной рукой. Измерив взглядом расстояние, он счел его неподходящим и подложил под контейнер свою мягкую наплечную сумку.

Вышло подобие уютного гнездышка.

Теперь контейнер высился на идеальном уровне, и Юнь Ваншу мог без малейших усилий наблюдать за проплывающими внизу пейзажами.

И все же Цзун Жуй забеспокоился: вдруг юноше хотелось бы подобраться еще ближе к стеклу?

Цзун Жуй медлил, а Юнь Ваншу терзали тайные тревоги.

Один переживал, не поспешил ли убрать ладонь: очнувшись от созерцания небес, юноша наверняка снова решит, будто доставил слишком много хлопот.

Второй же панически боялся проговориться о «третьей способности» — ведь тогда их разговор неизбежно свернет к скорому расставанию.

В салоне воцарилось молчание. Лишь спустя пару минут они одновременно позвали друг друга по имени:

«Брат Цзун».

«Ицзин...»

Это было его вежливое имя. Как только их ментальная связь окрепла, Цзун Жуй сразу же оставил официальные обращения.

«Говори первым», — робко отозвался Юнь Ваншу.

«Я пока оставлю тебя здесь, — отозвался Цзун Жуй. — Если внизу покажется что-то любопытное и тебе захочется подобраться поближе к окну, только дай знать».

«Хорошо».

«А ты почему позвал меня?» — спросил Цзун Жуй.

«Просто так, — тихо ответил Юнь Ваншу. — Захотелось произнести твое имя».

Цзун Жуй невольно отвел взгляд и уставился на пластиковый контейнер.

С ним явно творилось что-то неладное. Ну как можно в бесформенном, зыбком облачке чужих душевных осколков отчетливо видеть выражение абсолютной, чистейшей невинности?

И этот трогательный Юнь Ваншу сейчас послушно затих в своем импровизированном гнездышке.

Оставив юношу у окна, Цзун Жуй наконец освободил руки и достал припасенную книгу.

В век цифровых технологий большинство предпочитало читать с экранов гаджетов, но он упорно хранил верность старой доброй бумаге.

Он и не подозревал, что, пока его глаза скользили по печатным строчкам, Юнь Ваншу вовсе не смотрел в окно. Все внимание юноши без остатка было приковано к нему одному.

И это был не просто взгляд — бесплотный дух медленно, робко тянулся к нему, преодолевая дюйм за дюймом.

Его прозрачные очертания миновали разворот книги, просочились сквозь разделявший их воздух, коснулись упавших на лоб Цзун Жуя прядей волос...

И...

Кажется, барьеров больше не осталось.

— М-м?

Шелковистые волоски щекотно скользнули по лбу. Цзун Жуй рассеянно смахнул челку и с недоумением уставился на раскрытую ладонь, лежащую на колене.

Ему на секунду почудилось, будто кожи коснулось нечто неуловимо нежное и теплое.

В ту же секунду внутри контейнера Юнь Ваншу испуганно сжался в плотный мерцающий комок.

Лишь спустя минуту он рискнул медленно расправиться.

Цзун Жуй по привычке бросил мимолетный взгляд на контейнер.

Юнь Ваншу вздрогнул всем своим эфемерным существом и снова съежился.

Ведь он едва не выдал себя! Какое счастье, что он успел вовремя отпрянуть и скользнуть обратно в стеклянный плен.

И пускай у него сейчас не было физического тела, а значит, и бьющегося сердца, Юнь Ваншу отчетливо ощущал, как в призрачной груди что-то испуганно и сладко трепещет, увлекая его мысли туда, куда им стремиться совсем не следовало.

<http://bllate.org/book/18254/1752910>